

ДЕПАРТАМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ
ГОРОДА МОСКВЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А.С. ПУШКИНА

Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети
как объект научного и экспертного анализа»
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

**Фундаментальная
лингвистика и проблемы
судебной экспертизы:
социальные сети как объект
научного и экспертного
анализа**

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
**«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети как
объект научного и экспертного анализа»**
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

УДК 81
ББК 81
Ф 94

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 6 от 23 апреля 2021 года.*

Редакционная коллегия:

П. А. Катъшев, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И. В. Огорелков, кандидат филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

А. В. Горбачева, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Рецензенты:

А. Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;

М. А. Осадчий, доктор филологических наук, вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ)

Ф 94 **Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа» (Москва, 5–6 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Москва : Государственный институт русского языка, 2022. – 445 с.**

ISBN 978-5-98269-260-3

Статьи посвящены исследованию актуальных вопросов лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в цифровой среде. Представлены работы об исследовании вопросов лингвистической семантики и дискурс-анализа социальных сетей в приложении к задачам лингвистической экспертизы, разработки и применения методов лингвистической диагностики и идентификации цифровой личности, достижений, а также внедрения компьютерной, когнитивной лингвистики и психолингвистики в судебно-экспертную практику.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-98269-260-3

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022

СПОСОБЫ КОДИРОВАНИЯ И ДЕКОДИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ ИНТЕНЦИЙ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ВЕРБАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема выявления явных и скрытых речевых намерений коммуникантов в интернет-текстах, содержащих правонарушения. На конкретных примерах высказываний, содержащих речевые акты оскорбления, угрозы и призыва к противоправным действиям, показаны возможные способы определения коммуникативных интенций.

Ключевые слова: речевое намерение, оскорбление, угроза, призыв.

Часто в лингво-экспертных исследованиях ставится задача установления целей и намерений коммуникантов. И если в текстах, не содержащих правонарушений, неречевые цели и коммуникативные намерения легко выявляются по лексико-грамматическим маркерам, описанным в исследованиях²⁰, то в текстах, содержащих такие правонарушения, идентификация «истинных» целей коммуникантов представляет определенные сложности.

Как известно, к основным видам правонарушений, требующим квалифицированной помощи специалиста-лингвиста, относятся оскорбление, унижение чести и достоинства в рамках ст. 152 ГК РФ, угроза, призыв (побуждение) к противоправным действиям.

Индикатором речевой интенции «оскорбление» в соответствующих речевых актах (жанрах) являются обценные, вульгарные, грубо-просторечные языковые единицы, содержащие соответствующие коннотации. Выявление данной интенции происходит методами лексико-семантического, семантико-стилистического и контекстуального анализа языковых единиц, анализом словарных дефиниций и стилистических помет, сопровождающих фиксацию слова в словарях обценной, бранной лексики или толковых словарях русского языка. Поэтому при соблюдении коммуникатором прагматических

²⁰ См., например, исследование в научной литературе речевой интенции побуждение [3]; семантики и прагматики призыва [1].

258 | условий речевого акта оскорбления (публичный характер, адресованность конкретному реципиенту) и высказывания, содержащие в предиктивном ядре обценные языковые единицы, и высказывания, включающие литературно-нормированные предикаты типа *дурак, идиот*, с лингвопрагматической точки зрения будут одинаково оскорбительны для адресата.

Индикатором речевого акта оскорбление также могут послужить ответные коммуникативные ходы, отражающие перлокутивный эффект высказываний типа *Сам дурак; Что ты меня оскорбляешь? Какое право ты имеешь меня оскорблять?* и др.

Таким образом, интенция «оскорбление» всегда эксплицирована коммуникатором, она легко выявляется даже неспециалистом. С этим, на наш взгляд, в какой-то мере связано уменьшение количества дел по оскорблению в практике лингвистов-экспертов.

Следует учитывать, что во многих высказываниях во избежание наказания коммуникатор прибегает к имплицированию «истинного смысла» и своих коммуникативных намерений.

В этой связи в лингво-экспертной практике возникает проблема декодирования истинных намерений коммуникатора, отраженных в порождаемых им высказываниях.

Так, в сравнении с оскорблением сложнее выявить речевую интенцию «унижение чести и достоинства» в рамках ст. 152 ГК РФ. Для удовлетворения гражданского иска по данной статье помимо факта распространения порочащих (негативных) сведений необходимо установление их истинности-ложности, что предполагает необходимость их верификации. Поскольку верификации подвергается только фактологическая информация, важнейшей экспертной задачей является идентификация авторской интенции как утверждение либо выражение мнения в форме предположения или оценочного суждения.

Проблема демаркации оппозиции «утверждение-мнение» осложняется тем, что в конкретных высказываниях довольно редки эксплицитные перформативы «утверждаю», «сообщаю», и речевая интенция «утверждение» выявляется методом отрицания всех потенциальных для данного высказывания маркеров мнения, описанных в лингвистике (вводных языковых единиц, метафор и др.) [2; 5; 9; 10].

Мнение напротив часто эксплицировано субстантивами *мнение, мое мнение*, дейктическими элементами, указывающими на изменение дескриптивной информации в сознании коммуникатора, ее перевод из статуса информации в статус смысла, ее субъективизацию, предикатами ментального действия (*считаю, полагаю*), либо эмоционально-оценочными предикатами: *«Сегодня прочитаете лично мою историю. Сразу говорю, это сугубо мое мнение, мнение моей семьи и только вам судить хорошая эта клиника или нет»*.

По нашим наблюдениям, глобальная стратегия дискредитации, создания негативного имиджа, реализующая соответствующую интенцию, может быть представлена в тактиках распространения негативной фактологической информации, репрезентации негативно-оценочных суждений, предупреждений (*ОСТОРОЖНО УМКА!!!!*) и побуждений (*В Брянске есть множество хороших вет.клиник, так что пожалуйста, если ваш питомец заболел, НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ В УМКУ!!!!*).

Некоторые высказывания, реализующие интенцию и стратегию дискредитации, с трудом подвергаются квалификации утверждение-мнение, поскольку одна и та же языковая единица содержит в себе дескриптивную (описательную) и прескриптивную (оценочную) информацию. Так, в высказываниях *То есть с 10 января по 15 января нас просто пичкали уколами и капельницами, не найдя причины!!!, С нас просто выкачали деньги, и выкачали здоровье нашего кота*, отражена как объективная фактологическая информация, которая может быть верифицирована (информация о процедуре лечения без причины; необоснованно большом количестве уколов и капельниц; значительных тратах на лечение; неэффективности лечения), так и субъективные эмоционально-оценочные суждения коммуникатора. Эмоциональные оценки вербализованы разговорным предикатом *пичкали* в значении «заставлять есть, принимать сверх меры» [7: 519] и метафорой *выкачали здоровье*, содержащими негативно-оценочные коннотации, а также восклицательной интонацией.

Таким образом, рассматриваемые в контексте всего репоста, данные высказывания отражают авторскую интенцию дискредитации через презентацию негативно-оценочного мнения о ветеринарной клинике «Умка»²¹.

Еще одной разновидностью вербальных правонарушений является угроза, понимаемая в теории речевых актов как одна их моделей конфликтного речевого поведения, направленного на побуждение адресата совершить нечто в интересах говорящего.

В структуру данного речевого акта входит требование (или условие), предъявляемое говорящим адресату, и обещание негативных последствий в случае невыполнения этого требования (или условия). Семантическая модель речевого жанра угрозы выглядит следующим образом: (не) делай что-либо, иначе я тебе сделаю плохо.

Отсюда установление речевой интенции «угроза» и соответствующего речевого акта в конкретном высказывании производится анализом семантико-грамматической структуры высказывания с учетом речевой ситуации и контекста.

²¹ Исследованные высказывания представляют собой цитаты из репоста «МАКСИМАЛЬНЫЙ РЕПОСТ ПОЖАЛУЙСТА!!!! ОСТОРОЖНО УМКА!!!!» в социальной сети «ВКонтакте» 24 января 2021 г. (Режим доступа: <https://vk.com/>)

Эксплицитные угрозы – это конструкции, которые включают в свой состав и побудительную часть, и сообщение (обещание) негативных последствий. Чаще всего индикаторами эксплицитной угрозы выступают сложноподчиненные предложения с придаточными условия или формы будущего времени глаголов (*Если до понедельника то, что обещал, не выполнишь, не обижайся; Все равно тебя прямо из постели уведут, а вот тебя заберут; «Но... если не сделаешь, не знаю, что с тобой будет»*).

Косвенные средства выражения угрозы предполагают имплицитное содержание одного из элементов семантической модели. Это могут быть либо вопросительные (*Ты что хочешь, чтобы кровь пролилась?*), либо побудительные конструкции, вторая часть которых – обещание негативных последствий – находится в импликации (подтексте) и достаточно легко из него вычисляется.

Характерным признаком состава преступления угрозы является осознание коммуникантом реальности осуществления данной угрозы: «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться этой угрозы» (ст. 119 УК РФ) [11].

При этом единственным показателем осознания реципиентом реальности высказанной в его отношении угрозы, на наш взгляд, может послужить перлокутивный эффект речевого акта, вербализованный в ответных на угрозу коммуникативных ходах. Например, на отмеченные выше угрозы отмечены высказывания, эксплицирующие взволнованное эмоциональное состояние, испытываемое чувство страха, болезненное физическое состояние, плохое самочувствие (*я боюсь; мне страшно; у меня давление, я никуда не поеду, я ухожу*), просьбы, мольбы не применять насилие (*Брат, не надо!; Зачем меня забираешь? Куда? У меня ребенок, семья; Умоляю тебя, я не поеду!; Что я сделал? Хватит, я никуда не поеду! Не трогай меня!*), эмоциональные возгласы отчаяния (*Да что с тобой?; Ну что случилось?; Клянусь богом, я уважаю тебя!*) и др.

Большую роль в интерпретации признака реальности-нереальности угрозы, на наш взгляд, играют социально-ролевые отношения коммуникантов (степень их знакомства, близости) и речевая ситуация общения. Так, для незнакомых друг с другом коммуникантов при дистанционном общении в чатах и социальных сетях данный признак в какой-то мере нерелевантен, поскольку трудно представить себе ситуацию реализации высказанного речевого акта угрозы по отношению к незнакомому коммуниканту.

Интернет-коммуникация в соотношении с реальным дискурсом вообще снижает релевантность признака реальности угрозы.

Еще одним значимым правонарушением является призыв к осуществлению противоправных действий.

Призыв представляет собой вид директивных речевых жанров (актов), реализующих императивную интенцию. Он определяется А. Н. Барановым как «особый тип речевого акта, коммуникативное назначение которого в общем случае описывается известной семантической формулой, предложенной А. Вежбицкой для семантической экспликации императивов – «Я хочу, чтобы ты сделал Р» [1: 412].

При этом призыв осуществляется не только в сфере общественно-политической коммуникации, и его участниками являются не только «политические субъекты», как полагает А. Н. Баранов [1: 419]. Призыв в современной коммуникации активно используется в социальных сетях, в чатах, на форумах, и его субъектами выступают чаще всего не политики, а обычные, рядовые граждане.

В исследованиях А. Н. Баранова, М. А. Осадчего, К. И. Бринева [1; 4; 8] показано, что прямой призыв выражается вербальным императивом – предикатом или группой предикатов с побудительным значением. Данный элемент может быть выражен императивной формой глагола (*Убей!*) или семантически эквивалентными формами:

- инклюзивный волитив (*Избавим! Сметем!*);
- формы прошедшего времени в составе восклицательных высказываний (*Сделаем это! Поднялись!*);
- формы инфинитива в составе восклицательных высказываний (*Взять! Вставать!*);
- формы инфинитива в сочетании с частицами *давай, пусть* (*Давай бороться! Пусть сильнее грянет буря!*);
- неглагольные формы со значением побуждения в составе восклицательных высказываний (*Смерть врагам! Вперед!*).

В зависимости от того, какое количество компонентов модели призыва реализуется и какими средствами переданы компоненты, призывы делятся на сильные и слабые, прямые, косвенные, открытые и скрытые.

При этом поскольку прямые эксплицитные призывы к совершению нелегальных действий в публичной коммуникации и в социальных сетях невозможны коммуникатор прибегает к имплицированию речевой интенции призыва.

В чате «Степная, 12», глобальной темой которого является информирование о митинге в поддержку А. Навального, размещено сообщение:

Завтра 21 апреля 19:00 (главная площадь твоего города)

СВОБОДУ

Мне тоже страшно, но я не могу не идти.

Каждый раз говорю себе, что это бесполезно, и больше не пойду, но снова иду

Просто это все, что я могу сделать

#свободу навалному

#свободу политзаключенным

*И вы не молчите!**Увидимся* ♥²²

Безусловно, в высказываниях *свободу навалному; свободу политзаключенным* выражен призыв к освобождению А. Навального и всех политических заключенных, вербализованный конструкцией с эллипсисом глагольного волитива *даешь*.

Однако категоричная квалификация иных высказываний (*Мне тоже страшно, но я не могу не идти; И вы не молчите!; Увидимся*) как призывов к участию в митинге в поддержку Навального в приведенном контексте не представляется возможной. При анализе подобных высказываний недостаточно характеристики их семантического наполнения и грамматической формы, необходим дискурс-анализ высказываний всего чата с учетом категории глобальной когеренции дискурса, которая «охватывает не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности дискурса, как локальной, так и глобальной» [6: 124].

Так, речевая интенция высказывания *Мне тоже страшно, но я не могу не идти* может быть интерпретирована как выражение намерения, стремления автора участвовать в митинге и выразить свою политическую позицию. Императив *И вы не молчите* семантически коррелирует как с предшествующими высказываниями (*свободу навалному; свободу политзаключенным*), так и с остальными высказываниями и поэтому может резюмировать макропропозицию всего текста (участие в митинге в поддержку А. Навального). Здесь усматривается множественность интерпретации семантики призыва (не молчать, выражать свою политическую позицию и участвовать в митинге за Навального). Вывод об экспликации в данной фразе речевой интенции призыва участвовать в митинге, на наш взгляд, может быть только вероятностным.

Тем более нецелесообразно усматривать однозначный призыв к участию в митинге в заключительном высказывании *увидимся*, которое после иконического знака ♥ может рассматриваться как этикетная форма прощания с участниками чата.

Иллокутивное намерение коммуникатора не призывать пользователей чата к митингу, а сообщить о времени перекрытия дорог явно эксплицировано в высказывании *«Товарищи, картинка сверху это не призыв, чтоб вы знали, я ее сделала на просторах интернета, чтоб вы видели время, где возможно перекроют дороги, отвечать на вопросы в это чате больше нет никакого желания»*. Таким образом, автор снимает потенциальную иллокутивную силу

²² Сообщение размещено в мессенджере «Ватсап» в групповом чате «Степная 12» 20 апреля 2021 года.

призыва к митингу в своем предыдущем высказывании явной экспликацией своего намерения.

В следующем сообщении коммуникатор актуализирует свою нейтральную политическую позицию (*Я политически нейтральна*), что также снижает иллюкутивную силу призыва к митингу.

Таким образом, речевая интенция коммуникатора, закодированная в высказывании, чаще всего не может быть выявлена простым лексико-грамматическим анализом отдельной фразы. Учитывая, что высказывания составляют единый, целостный дискурс, необходим выход за пределы языка в общее дискурсивное поле, где в аспекте глобальной когеренции каждое конкретное высказывание соотносится с общим планом коммуникации, обусловлено стратегиями, планами, установками, сценариями, когнитивными схемами коммуникантов. Данная задача разрешается комплексным дискурсивным анализом речевого материала.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2007. 592 с.
2. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. М.: ИПК «Информатика», 2010. 208 с.
3. Бирюлин Л. А. Семантика и прагматика русского императива / Л. А. Бирюлин. Helsinki : Slavica Helsingiensia, 1994. 230 с.
4. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография; под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
5. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп./ Под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. М.: Медея, 2004. 328 с.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2007.
8. Осадчий М. А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 256 с.
9. Распопова Т. А. Способы маркирования мнения в текстах СМИ // Речевая практика государственных служащих: Сборник материалов Международного Круглого стола / Под ред. Е. Н. Бондаренко. Москва: Академия ГПС МЧС России, 2019. С. 97–104.
10. Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. 35 с.

264 | 11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Информационно-правовая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

Tatyana A. Raspopova

**METHODS OF CODING AND DECODING SPEECH
INTENTIONS IN COMMISSION VERBAL CRIMES IN INTERNET
COMMUNICATION**

Abstract. The article contains with the problem of identification explicit and hidden speech intentions of communicants in Internet texts containing crimes. Specific examples of statements containing speech acts of insult, threat and call to illegal actions show possible ways of determining communicative intentions.

Keywords: speech intention, insult, threat, appeal.